“Это не очередная звездная нация, с которой мы сражаемся. Не в этот раз. Это рак, и мы собираемся вырезать его и прижечь рану. Чего бы это ни стоило, мы это сделаем.”

- Адмирал Хонор Александер-Харрингтон,

Землевладелец и Герцогиня Харрингтон,

КЕВ Император,

Орбита планеты Сан Мартин,

Звездная система звезды Тревора.

"На палубе, смирно!"

Мужчины и женщины, сидевшие вокруг большого стола для совещаний, встали, когда она вошла в кают-кампанию. Она ненадолго задержалась в дверях, чтобы осмотреть собрание флаг-офицеров и их старших штабистов, затем прошла к своему месту во главе стола в сопровождении адмирала Марка Сарнова, которого вызвали домой из Силезии, чтобы заменить сэра Томаса Капарелли на посту Первого Космос-Лорда. Капитан Андреа Ярувальски встала за креслом справа от Хонор, а капитан Меган Петерсен встала за креслом рядом с креслом Ярувальски.

Она и Сарнов сели, Нимиц вскочил, чтобы свернуться калачиком на спинке ее кресла, и она еще раз оглядела стол.

"Садитесь, леди и джентльмены," - сказала она, и все уселись обратно в свои кресла.

Она воспользовалась моментом, чтобы обдумать весь многолетний опыт, все проверенные способности сидящих за этим столом. Любой из этих флаг-офицеров мог бы командовать Большим Флотом. В действительности, по крайней мере один из них это и делал. Это была первая команда Большого Альянса, мужчины и женщины, на которых она бы рассчитывала больше, чем на всех остальных. О, были один или два — ладно, по крайней мере дюжина! — других, которых она хотела бы видеть здесь, которые могли бы командовать этой операцией. Но как бы ей ни хотелось включить их в список, за этим столом не было ни одного офицера, которого она заменила бы.

Ни одного их них.

Она коротко, мимолетно улыбнулась этой мысли и снова задумалась об извращенности человеческой натуры. Никто из них точно не знал, во что они собирались вляпаться. Никто не знал, сколько людей, сидящих за этим столом, может умереть в ближайшие несколько недель, но все они знали по горькому личному опыту, что это может произойти. Что это случалось слишком часто со всеми ними за последние два с половиной десятилетия кровавой войны. И все же, раз они должны были подготовиться к возвращению в пекло, они хотели, чтобы их друзья, мужчины и женщины, которых они знали и которым доверяли, были рядом с ними. Хотели этого, даже несмотря на то, что знали, что рискуют потерять еще больше этих друзей, еще больше кусочков своих душ.

"И я такая же плохая, как и любой из них", - подумала она, наслаждаясь мыслесветом командиров своей оперативной группы и оперштаба. Она почувствовала нечто большее, чем легкий трепет в некоторых из этих мыслей, но никаких колебаний, никаких сомнений.

Адмирал Паскалин Л'Англэ, ее старший командующий оперативной группой, сидела в дальнем конце стола, между адмиралом Лестером Турвилем и вице-адмиралом Дженнифер Бельфойль, командирами ее оперативной группы. Верховный адмирал Альфредо Ю, командующий Третьей оперативной группой, сидел справа от Л'Англэ, между адмиралом Мерседес Брайэм и адмиралом Михалом Лукачем, командирами его оперативной группы. Адмирал Чин-Лу фон Рабенштранге, командующий Четвертой оперативной группой, расположился между адмиралом Грауэрбергом и адмиралом Грюнесом Дорфом, лицом к Ю. А справа от Хонор, сразу за Меган Петерсен, сидела адмирал Мишель Хенке, командующая Первой оперативной группой, единственная женщина, которую Хонор Александер-Харрингтон хотела видеть рядом с собой в этой операции, в окружении адмирала Элис Трумэн и адмирала Аллена Хиггинса.

Она позволила себе еще одно мгновение осознания этого, прежде чем повернула голову и посмотрела на Сарнова.

“Я полагаю, вы хотели нам что-то сказать, адмирал?” - спросила она и увидела воспоминание в его зеленых глазах. Воспоминание о другом дне в звездной системе под названием Хэнкок. Она никогда не перестанет скучать по твердой, непоколебимой решимости Томаса Капарелли, и все же в сегодняшнем присутствии Сарнова было что-то невероятно уместное. Он и она вместе сделали первые выстрелы в долгой войне против Народной Республики. Теперь он был здесь накануне последней кампании против людей, которые организовали эту войну.

“На самом деле, Ваша Милость, - сказал он, - это так. Это официальный приказ.” Настала его очередь разглядывать лицо Хонор. “Ваш гиперпереход во вторник”.

Хонор почувствовала, как напряглись нервы всех присутствующих. Никто из них не был удивлен. На самом деле, то, что только что сказал им Сарнов, несомненно, было одними из самых лишних слов, которые кто-либо когда-либо говорил.

Исключая тот факт, что произнеся эти слова, он придал им вид официального заявления.

“Спасибо, сэр Марк”, - тихо сказала она, и все взгляды вернулись к ней в ожидании. В большинстве случаев все, что она собиралась сказать, было таким же излишним, как и все, что сказал Сарнов. Но нужно было станцевать все па. Кроме того, эта встреча была гораздо меньше посвящена планированию или анализу разведданных, чем взаимному признанию. О том, чтобы увидеть друг друга лицом к лицу, лично, в последний раз, прежде чем они отправятся в путь.

И именно поэтому Сарнов тоже был здесь. Чтобы услышать, что она сказала, оценить уверенность ее старших командиров, поделиться с ними своей собственной уверенностью и дать свое — и Адмиралтейства — окончательное одобрение их операции.

“Благодаря Исследовательнице и коммодору Тремейну, - продолжила она, - мы смогли спланировать больше, чем я действительно ожидала, учитывая усилия, которые приложило Согласие, чтобы замести следы”.

Не один из ее офицеров злобно улыбнулся, рассматривая данные, которые принесли разведывательные дроны Скотти Тремейна. Им всем хотелось бы большего — они были профессиональными флотскими офицерами, которые знали, никогда не может быть слишком много информации, что разведка часто отличает тех, кто жив, от тех, кто умер, — но у них было неизмеримо больше деталей, чем предоставили первоначальные наблюдения Исследовательницы.

Конечно, не все новости были хорошими.

Они знали, например, что система, получившая название “Эльдорадо”, имела более тридцати орбитальных крепостей, самая маленькая из которых была такой же большой, как крепости, прикрывающие Мантикорский Узел Гипертоннелей. Они знали, что для поддержки этих крепостей было по меньшей мере пятьдесят супердредноутов, хотя дроны, ограниченные внешними пределами звездной системы во имя скрытности, не смогли сказать им, сколько из них — если таковые имелись — имели подвески. Те же самые беспилотники наблюдали за тем, что выглядело как учения нескольких эскадрилий ЛАК, и они также обнаружили по крайней мере одну группу ракетных подвесок. Это было чистой случайностью — и статистически крайне маловероятно, — потому что рассматриваемый беспилотник пролетел достаточно близко, чтобы визуально заметить подвески. Что подняло вопрос о том, что именно подвески, подозрительно похожие на Хасты флота Солнечной лиги, делали так далеко от системы.

Было кое-что, в чем они могли быть уверены - что там были тысячи подвесок, которые не были обнаружены дронами.

Они также знали, что перед ними система, которая была еще более индустриализирована, чем они ожидали. Беспилотники подтвердили первоначальную оценку Исследовательницы: вокруг внешнего пояса астероидов располагалась почти дюжина массивных промышленных платформ, обслуживаемых целым флотом кораблей для добычи астероидов и орбитальных плавильных заводов, в то время как танкеры для добычи газа курсировали туда и обратно между внутренней системой и Эльдорадо-V, супер-гигантом, едва не дотягивающим до коричневой звезды.

В сложившихся обстоятельствах им повезло, что Эльдорадо не была укреплена еще сильнее, и все они это знали. К сожалению, они все еще слишком многого не знали.

“Мы все знаем, что мы путешествуем налегке, в некотором смысле, по сравнению с флотом, который мы послали к Солнцу, даже с оперативной группой адмирала фон Рабенштранге”, - продолжила Хонор и пожала плечами. Это было неизбежно, учитывая то, как Большой Альянс уже начал сокращать свои военные флоты. “Но у нас будет солидное ядро тяжело вооружённых кораблей — на самом деле, у них будет более двухсот супердредноутов и почти восемьдесят НЛАК, не считая Флота Поддержки и его сопровождения — со всей огневой мощью, необходимой нам, чтобы позаботиться о себе в любом сражении флота. И если нам понадобится, у Флота Поддержки есть пятьсот с лишним тысяч Марк-17. Пятидесяти миллионов или около того Марк-23 должно быть более чем достаточно, но поверьте мне - если окажется, что мы все еще чрезмерно оптимистичны в отношении того, насколько сильно укреплена Эльдорадо, я не собираюсь совершать нападение прямо на нее. У нас будет достаточно сил, чтобы блокировать систему и перекрыть ее гипер-лимит, и если мы правы, если это действительно сердце луковицы, им больше некуда идти. Если Эльдорадо слишком сильна, чтобы мы могли атаковать ее нашими непосредственными ресурсами, мы заколотим ее дверь и будем держать ее в таком состоянии, пока не соберем флот, достаточно сильный, чтобы взять любую цель, даже если нам придется строить нужные нам корабли с нуля.”

Она снова обвела взглядом стол.

“Мы обсудили все планы, которые мы можем и не можем осуществить”, - продолжила она. “Лично я думаю, что адмирал Салета и адмирал Тренис правы, когда предполагают, что на самом деле именно Согласие, выступающее через Технодайн, предоставило ФСЛ Катафракты. Мы не можем этого доказать, тем более что Йилдун - одна из систем, которая отказалась ратифицировать новую Конституцию, а это значит, что даже наши друзья в Лиге не в состоянии обратиться в домашний офис Технодайн за подробностями НИОКР оригинального дизайна. Но тот факт, что они отказываются предоставить нам эту информацию, кажется нам

довольно убедительным показателем того, что это было сделано не в их собственных мастерских... и что они думают, что мы были бы немного недовольны ими, если бы узнали, кто им это передал.”

Собравшиеся флаг-офицеры кивнули в полном понимании. Ничего из данных, которые Хонор привезла с Ганимеда, не указывало на первоначальный источник разработки Катафракта, а штаб-квартира Технодайн на Мезе пострадала от таинственного пожара, прежде чем Мишель Хенке смогла завладеть их записями. Был четкий бумажный след, указывающий на то, как Катафракт превратился в Хасту — вся работа над этим была проделана на Ганимеде, — но никаких следов того, откуда взялся первоначальный дизайн Катафракта.

“Я говорю об этом, потому что это иллюстрирует момент, который мы должны очень четко помнить”, - продолжила она с ледяной улыбкой. “Коммодор Тремейн, возможно, предоставил нам много данных о местоположении и энергетических сигнатурах орбитальных платформ Эльдорадо, и у нас может быть то, что мы считаем хорошими данными об их мобильных устройствах, но все вы знаете, что у нас нет никаких разведданных о реальном оборудовании этих людей. Как бы то ни было, Катафракты и ракеты с гразерными головками, с которыми мы уже столкнулись, являются наглядным эмпирическим доказательством того, что у них есть оружие, с которым никто из нас никогда не сталкивался в бою, и дроны коммодора Тремейна обнаружили гравитационные импульсы, указывающие на то, что Эльдорадо обладает значительно более совершенными возможностями сверхсветовой связи, чем у Солнечной лиги, так что, по крайней мере, их доктрина для своих ракетных подвесок почти наверняка должна быть более изощренной, чем у Лиги.

Мы потратили последний месяц на уточнение наших планов этой операции, но с самого начала знали, что наша способность проецировать угрозы вызывает подозрения. Я намерена сделать все возможное, чтобы расширить и обновить наши текущие файлы данных после того, как мы сделаем наш альфа-переход и начнем открыто развертывать разведывательные беспилотники, но электронная разведка и визуальное наблюдение смогут рассказать нам не так много. Мы не сможем заглянуть внутрь их ракет или узнать, насколько хороша их активная оборона, пока та или иная сторона не откроет огонь.

Хотелось бы, чтобы мы могли ожидать, что другая сторона будет столь же неосведомлена о наших возможностях, но мы знаем, что у них были агенты — в некоторых случаях высокопоставленные — в наших собственных вооруженных силах. Мы считаем, что перекрыли эти высокоуровневые каналы, но я не верю, что кто-то на этом совещании настолько глуп, чтобы предположить, что они не продолжают проникать на более низкие уровни. Мы уверены, что они не раскрыли местонахождение Болтхола, поскольку не было никаких попыток повторить удар Яваты по Убежищу, но, в отличие от Солнечной Лиги, в галактике нет такого способа, чтобы эти люди не перевернули небо и землю, чтобы быть в курсе нашей доктрины и развертывания вооружения.

Это означает, что у них было огромное преимущество в плане разработки тактики на тот день, когда им, возможно, придется защищать свой Болтхол, так что ожидайте, что я подойду к этой операции с осторожностью. Поймите меня. Если мы сможем уничтожить этих людей, мы это сделаем”. Ее карие глаза были холодными и жесткими. “Но если нужно что-то сделать, я намерена сделать так, чтобы это сделала другая сторона. Я не дам людям, стоящим за миллионами смертей, которые мы уже понесли — за Ударом Яваты и Ударом Беовульфа, а также за всеми миллионами космонавтов, погибших с обеих сторон в войне, которую они спровоцировали, — ни одной дополнительной жертвы, если я смогу избежать этого. Согласие принесло человечеству больше смертей и разрушений, чем любой другой тиран, любая другая диктатура или тоталитарное государство в истории человечества.

На этом все закончится.” Она постучала указательным пальцем правой руки по столу. “Это закончится сейчас. Может быть, не сразу, если окажется, что мы недооценили их оборонительную мощь, но это закончится”. Ее палец снова постучал. “Это не очередная звездная нация, с которой мы сражаемся. Не в этот раз. Это рак, и мы собираемся вырезать его и прижечь рану. Чего бы это ни стоило, мы это сделаем.”

Она позволила своей последней фразе проникнуть в их сознание, затем сложила руки на столе и наклонилась вперед.

“Но мы не станем уподобляться им”, - сказала она мягко, спокойно. “Мы будем помнить, кто мы такие. Мы будем помнить, что наши флоты и наши звездные нации сражаются с честью и чувством порядочности. Мы уничтожим Мезанское Согласие и превратим его в кучу пепла в уголке ада, предназначенном для геноцидных извращений. Но когда мы это сделаем, мы также вспомним, что первоначальная рабочая сила, построившая крепость Согласия, состояла из рабов. Рабов, у которых не было права голоса в том, что они делали, или как они это делали, или для кого. Потомки этих рабов, несомненно, все еще там, по-прежнему без права голоса, без выбора, кроме как выполнять приказы Согласия, и мы не будем убивать невинных только потому, что Согласию все равно, кого или сколько людей, которых мы любили, оно убило. Так что, что бы ни случилось, нарушений Эриданского Эдикта не будет.

Поверьте мне, когда я говорю, что понимаю желание превратить их планеты и поселения в пепелища. Чтобы заплатить им их собственной монетой. Стоять в стороне и смотреть, как они сгорают дотла. Я была там. Я так сильно хотела этого, что ощущала этот вкус, как яд. И я почти сделала это”.

Она почувствовала удивление не в одном из этих мыслесветов, когда признала это, но не колеблясь продолжала, встречаясь с ними глазами.

“В конце концов, я этого не сделала, хотя я хорошо знаю, что в Солнечной Системе есть люди, которые не в состоянии оценить сдержанность, проявленную Большим Альянсом.” Ее улыбка была мимолетной, и Сарнов фыркнул рядом с ней. “Но я этого не сделала. Может быть, я никогда бы этого не сделала. Я не знаю об этом, но я точно знаю, что не сделаю этого здесь. И я также не позволю никому из вас или кому-либо из наших мужчин и женщин нести бремя того, что они это сделали. Мы те, кто мы есть, и именно такими я хочу, чтобы мы были, когда дым рассеется”.

Она позволила этим словам повиснуть на мгновение, затем снова откинулась назад.

“И теперь, когда с этим покончено, - она улыбнулась гораздо теплее, - у капитана Ярувальски есть несколько деталей, которые мы должны обсудить в последнюю минуту.”

Космическая Станция Флота Системы Гальтон Фрэнсис Крик,

Орбита планеты Чермак,

Система Гальтон.

"Рассказывай, Данияр!” - рявкнул контр-адмирал Леонард Спадафора, выбегая из шахты лифта на свою командную палубу.

Простая просьба обычно не входила в командный лексикон контр-адмирала, но на Фрэнсис Крик все было не как обычно, и корветтенкапитан Квинцио, тактический офицер Крика, оторвался от своих дисплеев, услышав резкую команду своего командира.

"Все, что у нас пока есть, - это гиперслед, сэр. Это в шестнадцати световых минутах от Гальтона, сразу за гиперлимитом. И он большой. Очень большой." Квинцио покачал головой с мрачным выражением лица. “Что бы это ни было, это не разведывательные силы”.

"Ясно."

Спадафора подошел к круглому колодцу, сложил руки за спиной и посмотрел вниз на огромный голографический дисплей в центре командной палубы. Кроваво-красный значок множественного гиперследа запульсировал по периметру дисплея, и он поджал губы. Это действительно было в шестнадцати световых минутах от главной системы. Но это было всего в десяти световых минутах от Тешендорфа, идеальное место для кратчайшего курса к единственной обитаемой планете Гальтона. Что означало, что Квинцио был прав. Это была не исследовательская группа, не кто-то, кто искал Согласие.

Это был кто-то, кто знал, где находится Согласие. Который достаточно хорошо знал астрографию системы, чтобы с такой точностью спланировать сближение. Ему было интересно, много ли еще они знают о своем враге, потому что он был уверен по крайней мере в одном. Этот пульсирующий значок никогда бы не появился, если бы корабли, которые он представлял, не думали, что у них достаточно огневой мощи, чтобы убить этого врага теперь, когда они его нашли.

Его лицо напряглось. Худший, самый темный кошмар Согласия смотрел на него с монитора, и отчаяние захлестнуло его. Крик был командным центром, стержнем обороны Гальтона. И поскольку это было так, Спадафора даже лучше, чем большинство, знал, что система обречена. Скрытность была его единственной настоящей защитой, потому что никогда не было никакого смысла притворяться, что он может надеяться пережить огромную мощь объединенных флотов Большого Альянса, если они когда-нибудь обнаружат сердце Согласия.

Теперь, очевидно, это произошло. И, что столь же очевидно, мужчины и женщины, готовые умереть в последней, отчаянной защите великолепного видения Леонарда Детвейлера, собирались сделать именно это.

Но затем он глубоко вздохнул и расправил плечи. Может быть, так оно и было. И, возможно, шестьсот стандартных лет пота, жертв и преданности должны были умереть вместе с ними. Но прежде чем это случится, они убьют как можно больше безродных ублюдков из этого гиперследа.

"Тактика, запускайте клин,” - сказал он.

"Есть, сэр!"

"А теперь, связь, - сказал он холодно, - дайте мне гросс-адмирала."

КЕВ Император,

Большой Флот,

Система Гальтон.

"Ну, полагаю, они знают, что мы здесь."

Тон Хонор Александер-Харрингтон, стоящей между Андреа Ярувальски и Меган Петерсен на флагманской палубе Императора с Нимицем на плече и смотрящей на главный монитор, был

сухим. Она не впервые видела подобный монитор, но остальные были симуляциями на сессиях планирования и упражнениях, сгенерированными на основе записанных данных. Этот был настоящим.

И это было не упражнение.

“О, я думаю, мы можем принять это как данность, Ваша Милость”. Тон Ярувальски был еще более сухим, чем у Хонор. “Что я хотела бы знать, так это то, сколько из них испытывают внезапную острую потребность удариться головой.”

“Я знаю, что мой счетчик морщин просто зашкаливал бы”, - сказала Петерсен. Ей потребовалась пара недель, чтобы освоиться в качестве оперативного офицера Хонор, но в конце концов она хорошо встала на ноги.

“Я уверена, что у них тоже, Меган”, - сказала Хонор и отвернулась от монитора к дисплею главного компьютера. Он был разделен на окна, по одному для каждой из ее оперативных групп и их командиров, и она холодно улыбнулась им.

“Как Андреа и Меган только что заметили, они знают, что мы здесь, и они, несомненно, активируют оборонительные планы, которые, как мы все знаем, у них есть. Я полагаю, нам пора привести в действие наши наступательные планы.”

Головы склонились.

"Хорошо, леди и джентльмены. Давайте их осуществим."

КСФСГ Ирвинг Фишер,

Орбита планеты Чермак,

Система Гальтон.

Прозвучал мелодичный сигнал, и гросс-адмирал Гюнтер Монтальван отвернулся от дисплея своего коммуникатора, ища глазами обновляющийся монитор.

Данные со сверхсветовых внешних сенсорных платформ поступили семью минутами ранее. Они могли бы сделать это еще раньше, но Монтальван пока не был готов выдать расположение какой-либо из своих сверхсветовых ретрансляционных платформ. Однако ближайшие группы ранее замеченных разведывательных дронов направлялись к нарушителям уже более восемнадцати минут, и он разрешил им сообщать данные через единую платформу. У него их было достаточно, чтобы отказаться от одной, не повредив своему охвату.

“Теперь у нас есть достоверные данные о них, сэр”, - сказал коммодор Обержонуа, его оперативный офицер.

"Какой у нас охват?" - спросил Монтальван.

“Практически полный”. В голосе Обержонуа звучала совсем не легкая горечь. “Они даже не пытаются сбить наши дроны. Они хотят, чтобы мы знали, что у них есть.”

“Конечно, они хотят”, - сказала Каролин Адебайо из кома Монтальвана. Он снова посмотрел на нее, и она пожала плечами. “Не похоже, чтобы они когда-либо думали, что смогут подкрасться к нам незаметно. И когда они так далеко от системы, они, должно быть, понимают, что мы

мало что можем сделать с тем, что они нам показывают. Так что они могли бы также убедиться, что мы знаем, насколько велик их молот. Они могут даже надеяться, что мы просто сдадимся, если они так поступят.”

Монтальван кивнул, хотя ему также было интересно, так ли спокойна генерал-фельдмаршал, как звучит ее голос. Женщина, которая была одновременно губернатором Гальтона и главнокомандующим его обороной, не могла позволить себе проявить ничего, кроме решимости. Она, конечно, не могла показать панику или отчаяние, если ожидала, что ее люди будут сражаться. С другой стороны, Адебайо так же хорошо, как и Монтальван, понимала, что над ними нависла непредвиденная Ситуация Аламо.

Конечно, в этом был определенный освобождающий аспект, не так ли? Они оба могли строить свои планы, вести свою битву без какой-либо парализующей неуверенности в собственной судьбе.

“Мы не можем подтвердить это, генерал-фельдмаршал, - сказал Обержонуа, - но мы уверены, что они наводняют систему собственными разведывательными платформами. Мы видели всего несколько слабых следов импеллеров, но их дроны, очевидно, так же трудно найти, как мы и думали”.

“Таким образом, они не просто позволяют нам выяснить их размер и силу. В то же время они лучше понимают наши силы”, - сказал Монтальван, признавая точку зрения оперативного офицера. “Я бы предпочел, чтобы они пошли дальше и попытались уничтожить наши беспилотники”.

Обержонуа кивнул. Они знали, что разведывательные дроны Большого Альянса обладают высокой скрытностью и, благодаря своим бортовым установкам микроядерного синтеза, необычайно быстрыми. Однако стелс-технология Согласия на самом деле могла быть еще лучше. Она была, безусловно, лучше, чем все, что когда-либо было у Солнечной Лиги, и защитники Гальтона создали две разные разведывательные платформы. Дроны Альфа включали в себя все улучшения, которыми обладало Согласие, хотя их бюджет мощности оставался сильно ограниченным по сравнению с Призрачными всадниками Большого Альянса, в то время как Дроны Бета были виртуальными клонами текущей технологии ФСЛ. На данный момент Обержонуа развернул как Бета-версии, так и Альфы, чтобы разведать силу врага ... и в качестве возможной проверки их собственной способности проникать через сенсоры Большого Альянса. Если бы Большой Альянс попытался уничтожить только Бета-версии, это могло бы свидетельствовать о том, что он не смог обнаружить Альф и нацелиться на них. Не доказательство, конечно, но, по крайней мере, указание.

Что было бы хорошо, так как это могло бы также дать им некоторое представление о том, насколько легко их враги могли бы обнаружить столь же улучшенную Хасту Согласия.

“Сколько до позиции Волан?” - спросил он.

“Мы должны вывести Альф на позицию через пятьдесят две минуты, сэр".

"Ну, в таком случае, чем дольше они там просидят, тем счастливее я буду."

“Я немного удивлена, что мы еще не получили от них вестей”, - заметила Адебайо. “Они здесь уже почти двадцать минут”.

“Ну, они знают, что система никуда не денется”, - ответил Монтальван. “Я могу понять, почему они могут подумать, что висение там, как какой-то безмолвный Дамоклов меч, может оказать...

размягчающее воздействие на наш моральный дух”.

Они встретились взглядами сквозь ком, и Адебайо холодно улыбнулась.

"Некоторые вещи более вероятны, чем другие," - сказала она.

КЕВ Император,

Большой Флот,

и

КСФСГ Фрэнсис Крик,

Орбита планеты Чермак,

Система Гальтон.

“…и Иоланда говорит, что мы получаем хорошие данные от Призрачных всадников, Ваша Милость”, — сказал капитан Рафаэль Кардонес по кому, соединяющему Хонор с командной палубой Императора. “Очевидно, не так много, как нам бы хотелось. Я всегда был жадным.” Его ослепительная улыбка на мгновение напомнила Хонор молодого, неопытного офицера-тактика, который так хорошо проявил себя на станции Василиск. И гораздо более опытного, который так блестяще сражался на Грейсоне. “Но мы, по крайней мере, создаем лучший профиль их мобильных подразделений”.

“Я согласна, Ваша Милость”. Меган Петерсен стояла рядом с командным креслом Хонор, глядя вместе с ней на дисплей связи. “Есть хорошая новость — нам удалось подтвердить, что большинство их супердредноутов являются доподвесочными. Похоже, у них примерно три класса, так что я предполагаю, что все они были экспериментальными. Или, во всяком случае, опытными. Пока мы обнаружили только семнадцать подвесок.”

“Я согласна, что это хорошая новость”, - сказала коммандер Иоланда Харриман, тактический офицер Кардонеса, вне зоны видимости на той же линии. “Однако было бы лучшей новостью, если бы мы рассмотрели мобильное оборудование.”

“Ты совершенно права, Иоланда”. Андреа Ярувальски пересекла флагманский мостик, чтобы подойти к Хонор как раз вовремя, чтобы услышать последнее замечание Харриман. “И я чувствовала бы себя намного счастливее, если бы мы только что не подтвердили предположения Скотти — я имею в виду коммодора Тремейна, конечно — об этих проклятых фортах. Теперь на всех них видны полосы клиньев.”

“Прискорбно, но не неожиданно”, - ответила Хонор.

Ярувальски кивнула, и никто бы не догадался по выражению ее лица, как сильно она настаивала на немедленном ракетном ударе по этим фортам, как только Большой Флот выйдет из гипера и успеет развернуть подвески. Если только импеллеры фортов не были постоянно включены, что было крайне маловероятно, учитывая потребляемую мощность и относительно короткий срок службы узлов импеллеров такого размера, этот удар был бы нанесен до того, как они смогли бы поднять защитные полосы своих клиньев.

Теперь было слишком поздно для этого, и Хонор почувствовала сожаление Ярувальски об упущенной возможности. Что ж, Хонор тоже сожалела об этом, и она полностью понимала

точку зрения Андреа. На самом деле, она разделяла ее. Собственные действия Согласия вывели его за рамки дозволенного, а принятые правила войны признавали за обоими право на возмездие за нарушение таких мелочей, как Эриданский Эдикт. И они также признали, что, в отличие от орбитальных поселений, вооруженные платформы вражеской державы были законными целями для немедленного уничтожения. Большой Альянс не был обязан позволять персоналу на борту этих фортов эвакуироваться или даже сдаваться после Ударов Явата и Беовульфа, и Хонор слишком хорошо знала, насколько сложнее стало их уничтожение, когда поднялись импеллерные клинья и боковые стенки.

Но она также помнила о том, что сказала на той последней конференции перед отъездом. Большой Альянс не был Согласием, и он не будет действовать как Согласие. Не из-за того, что он был чем-то обязан Согласию, а из-за того, что он был обязан самому себе... и истории.

С более прагматичной точки зрения, такой быстрый запуск привел бы к гораздо большему риску случайного попадания в огромные сооружения, которые, очевидно, были большими поселениями, некоторые из них почти такие же большие — и гораздо более растянутые — чем был Беовульф Альфа до его разрушения. Затем появились промышленные платформы. Если они не были вооружены, на них тоже распространялось требование Эриданского Эдикта о том, чтобы атакующий командир предоставлял достаточно времени для эвакуации гражданского персонала.

Хонор взглянула на Петерсен, когда эта мысль пронеслась у нее в голове. Меган была единственным офицером в ее штабе, которая решительно возражала против немедленного ракетного удара. Что, учитывая ее опыт в Гипатии, не удивило ни одного члена этого штаба.

“Платформы Призрачного Всадника внутри системы развернули Ищеек”, - сказала Петерсен, и Хонор кивнула.

Ищейка была одним из плодов мозгового треста Форейкер/Хемпхилл в Болтхоле. По сути, Ищейки были крошечными дронами-паразитами, переносимыми модифицированными Призрачными Всадниками и разворачиваемыми в системе. Они были предназначены для проникновения во вражеские коммуникационные сети. Коммутирующие лазеры было невозможно обнаружить, не поставив платформу прямо на пути луча, и Ищейка была разработана так, чтобы наводнить вероятные зоны достаточным количеством платформ — движущихся очень скрытно, по точно рассчитанным схемам поиска - чтобы поместить одну из них точно в цель. Прерывание сигнала сообщило бы бдительному врагу, что паразит обнаружил один из ее путей передачи, и его зашифрованные сигналы все равно было бы невозможно прочитать, но простой анализ плотности, сложности и направлений, в которых была расширена командно-контрольная сеть, мог бы предложить структурным аналитикам довольно много информации.

“Мы определенно не накрыли все их сети”, - продолжила Петерсен. “Даже Ищейке такое не под силу! Но Тристрам, — лейтенант-коммандер Тристрам Джейкоби был офицером радиоэлектронной борьбы Императора, - и я можем подтвердить, что Альфа, Бета и Гамма являются центрами командования и контроля для всей системы.”

В этом не было ничего удивительного, подумала Хонор, поскольку платформы, которые они обозначили как Альфа, Бета и Гамма, были тремя крупнейшими крепостями во всей системе и как будто просто случайно находились на равном расстоянии, на расстоянии ста двадцати градусов друг от друга, вокруг обитаемой планеты. Тем не менее, было приятно получить подтверждение этого.

"Нет ли у вас или Тристама какого-нибудь ощущения, какая из них главная?"

“Из того, что мы видели до сих пор, мы склонны думать, что это Бета, Ваша Милость. Мы не можем этого гарантировать, но, похоже, у нее больше избыточных ссылок на два других, чем у любого из них к нему или друг к другу. С оговоркой, конечно, что даже Ищейка дает нам лишь частичное покрытие."

"Я склонна согласиться с их логикой, Ваша Милость," - сказала Ярувальская, и Хонор кивнула.

"Что-нибудь еще, Меган?" - спросила она.

“Не в том, что вы могли бы назвать макромасштабом”, - ответила Петерсен. “Однако мы подтвердили одну вещь: их невидимость лучше, чем все, что было у Солли. Разведка коммодора Тремейна уже предположила это, но я думаю, что она даже лучше, чем мы предполагали по его предварительным данным. Мы локализовали несколько скоплений ракетных подвесок в том, что БИЦ называет развертыванием Мориарти, и у меня есть беспилотники, которые ищут места, где мы могли бы разместить ракетные подвески для чего-то подобного. Но их подвески - гораздо более сложные сенсорные мишени, чем все, что мы когда-либо видели вне Лиги. На самом деле, я бы сказала, что они, по крайней мере, такие же незаметные, как наши модули системной защиты последнего поколения. На самом деле, возможно, более скрытные. А звездная система - большая. Мы ни за что не найдем их все.”

“Все, что мы можем сделать, - это делать лучшее, на что мы способны, - философски заметила Хонор, - и я не против потратить немного больше времени на их поиски. Я хочу пресечь все возможные угрозы”.

Она взглянула на главный экран. Значки Большого Флота представляли собой огромную сферу в центре этого экрана, а не обычную стену битвы, которая была нормой на протяжении стольких стандартных столетий. Крупные корабли в сердце этого шара еще не развернули ни одной собственной ракетной подвески, но гипергенератор каждого звездолета был в состоянии мгновенной готовности. С этого момента корабль класса Инвиктус, такой как Император, мог вернуться в гипер чуть менее чем за четыре с половиной минуты. Линейный крейсер класса Найк мог уйти в гипер чуть более чем за полторы минуты, а тяжелый крейсер Саганами-С мог сделать это всего за сорок три секунды. Этого должно было быть достаточно, чтобы избежать всего, что защитники системы могли бы бросить в них, но Хонор не была склонна полагаться на “должное”, когда речь шла о жизнях ее людей. Ее звездолеты были окружены замысловатым щитом из ЛАКов, сконфигурированных и развернутых в роли противоракетной обороны, а за ЛАКами виднелась оболочка платформ Призрачных Всадников, наблюдавших глазами Аргуса за любой угрозой.

“Ваша Милость, коммуникационный буй появится на заданном расстоянии примерно через две минуты”, - сказала лейтенант-коммандер Эрикес, и Хонор повернулась к своему офицеру связи с напряжённой улыбкой.

* * *

"Генерал-фельдмаршал."

Каролин Адебайо прервала своё совещание с полковником Чунтао, ее начальником штаба.

"Да, Зермейр?"

“У нас есть запрос связи, мэм.” голос майора Нергизяна был напряженным. “Он адресован

командующему системой”.

“Понимаю”. Адебайо подошла к посту офицера связи. “Я полагаю, что это тот случай, когда лучше поздно, чем никогда”.

Нергизян улыбнулся - коротко. Но потом он покачал головой.

“Я думаю, что знаю, в чем была причина задержки, мэм”, - сказал он. "Передача осуществляется стандартным лазером связи, но она идет с платформы, расположенной менее чем в двухстах тысячах километров от Крик. И датчики улавливают направленные гравитационные импульсы с той же платформы.”

"И мы не знали, что она там, пока она не начала вызывать нас?"

"Нет, мэм."

"Но они спрашивали командующего системой, а не кого-то определённого по имени?"

"Так точно, мэм."

"Понимаю," - повторила Адебайо.

Она остановилась за креслом офицера связи и положила руку ему на плечо.

“Соедините меня с гросс-адмиралом Монтальваном по дополнительной линии связи, Зермейр”.

"Да, мэм!"

Лицо Гюнтера Монтальвана появилось на втором дисплее, и он посмотрел исподлобья на Адебайо.

"Они наконец связались с нами," - сказала она ему. "Я хочу, чтобы вы слушали, когда я приму вызов."

"Конечно, мэм."

"Однако, прежде чем я сделаю это, я хочу сказать две вещи". Она убрала руку с плеча Нергизяна и скрестила руки на груди. "Во-первых, их ретранслятор сверхсветовой связи в радиусе двухсот тысяч километров от Крик, а мы этого даже не заметили. Я склонна думать, что это, по крайней мере частично, еще одно преднамеренное заявление об их возможностях. Но они также используют лазер связи, а не всенаправленный сигнал”.

"Так они знают, где вы?" - сказал задумчиво Монтальван.

“Либо это, либо они просто угадали правильно”. Она пожала плечами. “Крик, Ирвинг Фишер и Чжоу Цзяньжэнь на треть больше любого из других фортов, так что слепой случай даст им тридцатипроцентный шанс угадать правильно”.

"Согласен." - кивнул Монтальван.

“И второе, - сказал Адебайо, - это то, что они просят “командующего системой". Они не спрашивают меня по имени и даже не просят "управляющего системой". Что может быть значительным, а может и не быть.”

"Учитывая то, как они, похоже, намеренно подчеркивают, насколько безнадежной, по их мнению, является наша ситуация, - задумчиво сказал Монтальван, отказавшись в присутствии других ушей упомянуть, что Большой Альянс был полностью прав в этом, - это действительно может быть значительным. Конечно, это может ничего не значить, но это может означать, что они наткнулись на нас более или менее случайно, а не в результате какого-либо систематического проникновения."

"Вот именно." Адебайо на мгновение задержала на нем взгляд, затем снова посмотрела на Нергизяна.

"Хорошо, Зермейр. Прими вызов. И ты можешь обозначить им, кто мы такие."

"Да, мэм."

Майор активировал сенсорную панель, и на главном дисплее связи появилось изображение темноволосого сероглазого офицера в комбинезоне Королевского флота Мантикоры с нашивками лейтенант-коммандера.

"Это командование Системы Гальтон," - сказал Нергизян.

Спустя двадцать две секунды - даже с помощью сверхсветовой платформы сигналу требовалось одиннадцать секунд, чтобы преодолеть десять световых минут - эти серые глаза стали тверже, когда мантикорка увидела Нергизяна на своём ком-пульте.

“Я лейтенант-коммандер Эрикес, Королевский флот Мантикоры, от имени Большого Альянса”, - сказала она. “Готов ли ваш старший офицер говорить с моим старшим офицером?”

"Да," - решительно сказал Нергизян.

“Подключаю”, - ответила Эрикес двадцать две секунды спустя. А потом ее изображение исчезло, сменившись другим офицером. Она была в скафандре адмирала флота, но с белым беретом капитана звездолета. Древесный кот в таком же скафандре лежал, растянувшись на спинке ее командирского кресла, и Адебайо сразу узнала эти экзотически вытянутые темные глаза, высокие скулы и волевой подбородок.

"Значит, Большой Альянс позаботился о том, чтобы прислать самых лучших", - иронично подумала она.

“Микрофон включен, генерал-фельдмаршал”, - тихо сказал Нергизян, и Адебайо повернулась лицом к экрану.

"Здравствуйте, адмирал Харрингтон, - сказала она, - что я могу для вас сделать?"

“Итак, вы меня узнали.” Харрингтон тонко улыбнулась после неизбежной задержки. “Это должно упростить ситуацию. Могу я спросить, с кем я разговариваю?”

“Я генерал-фельдмаршал Каролин Адебайо, губернатор этой звездной системы. Именем Мезанского Согласия. Как я полагаю, ваше присутствие здесь указывает на то, что вы уже знаете это.”

“Я вижу, вы не ходите вокруг да около. Хорошо. В таком случае я буду кратка. Я представляю Звездную Империю Мантикора, Республику Хевен, Андерманскую Империю и Протекторат Грейсона, и цель этого разговора - дать вам возможность сдаться силам Большого Альянса под

моим командованием. Я бы посоветовала вам принять мое предложение.”

Сопрано Харрингтон было холодно как космос, но ее глаза были еще холоднее.

«Почему я должна это сделать?» - спокойно спросила Адебайо.

«Потому, что если вы этого не сделаете, я открою огонь и уничтожу все крепости и боевые корабли в этой звёздной системе.»

«Действительно? И что же, как вы думаете, будут делать силы под моим командованием, пока вы будете это делать, адмирал?»

«Умирать,» - ровно сказала Харрингтон двадцать две секунды спустя.

Адебайо стиснула зубы, и Харрингтон позволила единственному ледяному слову повиснуть, затем пожала плечами.

“Поймите меня”, - затем сказала она. “Ничто не доставило бы мне большего личного удовлетворения, чем просто открыть огонь и убить каждого мужчину и женщину под вашим командованием. Моя звездная нация и ее союзники — и я лично — возлагаем на вас ответственность за миллионы смертей, непосредственно причиненных вашим "Согласием" в Двойной системе Мантикоры, Беовульфе и на Мезе, и за каждого мантикорца, грейсонца, хевенита и соларианина, убитых в войне, которую вы спровоцировали между Большим Альянсом и Солнечной Лигой. Мы намерены положить этому конец. Мы намерены покончить с вами... и мы это сделаем.”

Ее холодный стальной голос был спокоен, почти бесстрастен, и это только делало его искренность еще более ужасной.

“Однако, в отличие от Согласия, мы на самом деле не хотим крови на наших руках. И поскольку это так, я предлагаю вам возможность сдаться. Однако имейте в виду, что если вы это сделаете, каждый человек, занимающий командную должность, по крайней мере, столкнется с потенциальным судом за преступления против человечности в поистине галактическом масштабе. Нет никаких обещаний неприкосновенности, никаких гарантий. Есть только возможность, по крайней мере, спасти ваш персонал. У вас есть два часа, чтобы обдумать мое предложение. Если вы не примете его к концу этого времени, мои силы откроют огонь.

Харрингтон, конец связи."

Дисплей погас, и тишина повисла на мостике Крик. Затем Адебайо испустила длинный выдох и посмотрела на Монтальвана.

“Я думаю, пришло время для Волана”, - сказала она. “Выполняйте, как только сможете”.

КЕВ Император,

Большой Флот,

Система Гальтон.

“Мэм, БИЦ сообщает, что внешние Призрачные Всадники что-то заметили”, - сказал главстаршина Рэнсом. Меган Петерсен посмотрела на него, и он покачал головой. “Они не

уверены, что это такое, но оно направляется в нашу сторону и движется быстрее, чем любые другие следы, которые мы обнаружили”.

Руки Рэнсома были заняты на командной консоли, пока он говорил, и Петерсен повернулась к своему монитору, когда он ввел в него свежую точку данных Боевого информационного центра Императора. Новый значок мигнул быстрой вспышкой неопознанного контакта, подтверждая правоту Рэнсома. Он направлялся к Большому Флоту из внутренней области системы и двигался намного быстрее, чем неуловимые разведывательные дроны, которые они обнаружили ранее. Согласие развернуло два разных типа разведывательных платформ, одна из которых, очевидно, была практически идентична дронам последнего поколения ФСЛ, а другая была чертовски скрытной. Петерсен согласилась с герцогиней Харрингтон и капитаном Ярувальски в том, что они не смешали бы их таким образом, если бы не надеялись узнать, насколько легко Большой Флот может обнаружить, заблокировать и уничтожить платформы своей первой команды. Вот почему Большой Флот отказался предпринимать что-либо подобное.

Не то чтобы Петерсен была вообще уверена в том, что они смогли бы уничтожить "крадущихся", если бы попытались.

Но этот подходил с гораздо большей скоростью, приближаясь к самой дальней оболочке дрона со скоростью, близкой к 42 км/сек., и единственной причиной, по которой Призрачные Всадники увидели его, была волна заряженных частиц, сопровождавшая его.

Она нахмурилась, и ее озабоченность усилилась, когда числовое обозначение, добавленное к значку, начало расти. Что бы это ни было, оно было не одно.

Ее ладонь надавила на кнопку и хрипло взревела тревога.

“Всем подразделениям, говорит флагман!” - рявкнула она по командной сети. “Приближаются отметки, направление угрозы - пять-восемь градусов, скорость сближения один-два-три тысячи километров в секунду. Дальность два-два целых восемь десятых миллиона километров. Противоракеты на изготовку. Повторяю, противоракеты по готовности. Будьте готовы вступить в бой”.

Она села, сирена все еще ревела, и только теперь оглянулась через плечо.

Хонор коротко улыбнулась в знак одобрения, когда Петерсен оглянулась на нее. Меган поступила совершенно правильно, не дожидаясь чьего-либо разрешения, подумала она, но ее собственное внимание было приковано к экрану, поскольку число рядом с этим значком продолжало расти.

Она хотела, чтобы они распознали это, что бы это ни было — и у нее возникло плохое предчувствие по этому поводу — еще раньше. При его нынешней скорости оно достигнет Большого Флота всего за три минуты… что было на девяносто секунд больше, чем потребовалось бы Императору для перехода. И это была ее вина.

Что бы ни надвигалось на них, оно было даже более скрытным, чем все, что было у Большого Альянса. Она допускала такую возможность в своем планировании, но было очевидно, что она недостаточно учитывала это. И, как она теперь поняла, это было потому, что она никогда на самом деле не верила, что это произойдет, что бы она ни говорила себе и своими штабу. Она бы еще долго прощала себя за это. Это было слишком похоже на высокомерие ФСЛ, его предположение, что ни у кого не может быть лучших технологий, чем у непобедимой Солнечной Лиги.

"Ты всегда знала, что такое мышление может повлечь за собой собственное наказание", - подсказал ей уголок ее мозга. Тебе действительно нужно было выбрать такой момент, чтобы доказать себе, что ты была права?"

Она знала об этом не больше, чем Меган Петерсен или главстаршина Рэнсом, но она была практически уверена, что это должно было быть ракетными подвесками. Вероятно, улучшенная версия Хасты ФСЛ. И это она должна была предвидеть, учитывая, как чертовски трудно было засечь разведывательные дроны Согласия. В конце концов, первоначально Хаста была немногим больше, чем разведывательный беспилотник, переделанный в ракетоносец.

“Предположим, что эти штуки вооружены той же ракетой, что и Хасты Солли", - сказала она. “Показать дальность пуска”.

Картинка изменилась почти мгновенно, и ее челюсти сжались. При их текущей скорости расстояние до запуска должно было составлять чуть менее двадцати миллионов километров. И они достигнут его еще через одиннадцать секунд.

* * *

Так получилось, что Хонор Александер-Харрингтон была совершенно права в том, что надвигалось на ее команду. Хаста-3 была явным улучшением оригинальной соларианской версии, с гораздо более надежным главным приводом и функциями скрытности, которые были лучше, чем все, что когда-либо было у ФСЛ. Мало того, каждая Хаста была сопряжена со вторым, столь же незаметным дроном, который служил в качестве “буксира”. Дополнительный беспилотник был многоразовым, и его функция заключалась исключительно в том, чтобы незаметно перемещать Хаст по системе, чтобы сконцентрировать их перед запуском, что и было сделано планом Согласия Волан.

Теперь четырнадцать тысяч из них с ревом неслись прямо на Большой Флот по баллистическим траекториям. Главные двигатели Хаст давно сгорели, но когда они достигли дальности полета в двадцать миллионов километров, их вторые ступени отделились и разогнали их более чем на семьсот километров в секунду.

* * *

“Вампир! Вампир!” - рявкнул по командной сети капитан Ламар Понферрада, коЛАК КЕВ Хилоном.

Хилоном был единицей Седьмой эскадрильи авианосцев, прикрепленной к Оперативной группе 1.1 Элис Трумэн, а командный корабль Понферрады, КЕВ Деспиадада, был старшим кораблем на оси угроз, поскольку незаметные, туманные цели, которые отслеживали офицеры противоракетной обороны Большого Флота, исчезли в сверкающих сигнатурах импеллеров ракет, ускоряющихся с сумасшедшим темпом в семьдесят тысяч g.

Мало что в галактике могло быть менее скрытным, чем это, но даже пока он наблюдал, приманки расцветали по всему огромному залпу. Количество угроз удвоилось, а затем снова удвоилось. Платформы-приманки были не так хороши, как Драконьи Зубы Большого Альянса, но они были чертовски хороши, а другие платформы создавали значительные помехи.

Составители планов Большого Флота предполагали, что лучшее, что есть у Согласия, будет лучше, чем все, что было у Солнечной Лиги, и они не были разочарованы. С другой стороны, флоты-члены Большого Альянса были самыми опытными, закаленными в боях флотами из всех существующих. Вполне возможно, самыми опытными и закаленными в боях за всю историю

межзвездных войн. Возможности приближающихся ракет превысили их базовые оценки технических преимуществ Согласия, и они знали это. Но паники не было, и оборона Большого Флота вступила в действие с безупречной эффективностью.

Вооруженные противоракетами ЛАКи во внешней оболочке выпустили залп своего боеприпаса "стреляй-и-забудь" в зубы атакующим, затем резко развернули корабли, подставляя свои клинья против любых ракет, которые могли бы достать их вместо одного из их более крупных собратьев. Звездолеты позади них выпустили свои собственные противоракеты, прежде чем развернуть корабль против оси угрозы. Но в отличие от ЛАКов, платформы типа Замочная скважина-2, развернутые за их защитными боковыми стенками, были связаны с телеметрией своих птичек. Они взяли под свой контроль оборонительный огонь, координируя его гораздо точнее, чем могли бы сделать ЛАКи, в то время как платформы Лорелеи ожили, отвлекая ударные ракеты от своих материнских кораблей, а Зуделки пытались ослепить и сбить с толку сенсоры атакующих.

Это была глухая защита, которая была разработана, а затем оттачивалась в течение десятилетий самой кровопролитной войны в галактике, и, несмотря на всю их скрытность, всю их скорость и ускорение, приближающиеся ракеты таяли, как снег в паяльной лампе.

Тысячи из них были уничтожены импеллерными клиньями противоракет, еще тысячи были отвлечены Лорелеями, и еще больше было ослеплено Зуделками, но Согласие не было флотом Солнечной Лиги. Одиннадцать сотен его ракет пробили все, что могла бросить в них внешняя оборона Большого Флота. Они устремились к своим целям, прямо в пасть массированным станциям точечной обороны флота. Восемь с лишним тысяч лазерных кластеров выплюнули прицельные молнии, которые разнесли вдребезги выживших после урагана противоракет, но четыреста тридцать из них прорвали все активные средства защиты и достигли дальности атаки.

Они не имели лазерных головок. Им не хватало нескольких генераторных стержней, способности стрелять кластерами рентгеновских лазеров по своим целям. Но научно-исследовательская группа Гальтона спроектировала оригинальную "гразерную головку" так, чтобы ее можно было втиснуть в крупногабаритную обычную ракету, достаточно маленькую, чтобы поместиться в капсулу Хасты-3. Она была не так мощна, как торпеды гразера, которые уничтожили промышленную инфраструктуру Мантикоры во время Удара Явата, но это было намного более разрушительно, чем любой рентгеновский лазер, потому что его продолжительность измерялась секундами, а не миллисекундами.

Боковые стенки крупных кораблей притупляли и ослабляли ярость гразеров, и даже они не могли пробить импеллерный клин, но броня разрушалась, атмосфера испарялась из пробитых корпусов, мужчины и женщины умирали, и лицо Хонор Александер-Харрингтон напряглось, когда сообщения о потерях и повреждениях заполнили ее флагманский мостик.

КСФСГ Ирвинг Фишер,

и

КСФСГ Фрэнсис Крик,

орбита планеты Чермак,

система Гальтон.

“Поступают оценки ущерба, гросс-адмирал!” - доложил коммодор Обержонуа, и Гюнтер

Монтальван увидел, как разведывательные дроны, все еще шпионящие за Большим Флотом, обновили данные на дисплее Ирвинга Фишера.

Было очевидно, что Большой Альянс не видел приближения Хаст, по крайней мере, до самого последнего момента. Он разрешил Обержонуа запустить еще два их драгоценных ретранслятора сверхсветовой связи, чтобы передавать данные тактическим офицерам Ирвинга Фишера почти в режиме реального времени, и почувствовал яростный прилив предвкушения, когда платформы-невидимки запустили своих атакующих птичек, и поток огня ворвался прямо в зубы Большого Альянса.

Но теперь его челюсти сжались, когда БИЦ огромной крепости уточнил и обновил свои данные.

Три корабля. Они уничтожили три корабля.

Его руки сжались в кулаки под прикрытием консоли, когда он осознал это. Всего лишь три.

“Гросс-адмирал, я...” Голос Обержонуа дрогнул, и Монтальван кивнул.

“Я вижу, Томаш”. Он был поражен тем, что его собственный голос звучал так спокойно, и откинулся на спинку командирского кресла. “Я надеялся на большее. Тем не менее, мы только что уничтожили больше супердредноутов Альянса за один залп, чем Солли удалось за всю их войну. И Волан всегда был, по крайней мере отчасти, щупом. Проверкой их обороноспособности. И у нас есть много данных по ним. Со следующим ударом мы это используем.”

“Да, сэр!” Как отметил Монтальван, голос Обержонуа звучал не совсем уверенно. Не то чтобы он винил оперативного офицера. Тем не менее, они действительно многому научились из ответного действия Альянса, и следующая волна Хаст будет намного больше, чем первая.

Конечно, их враги тоже многому научились, а Харрингтон всегда чертовски быстро училась.

* * *

“У нас есть запрос связи от противника, генерал-фельдмаршал”, - объявил майор Нергизян.

«Действительно?» Каролин Адебайо тонко улыбнулась. “Представьте себе. Включайте.”

Хонор Александер-Харрингтон снова появилась на дисплее Адебайо. Жаль. Генерал-фельдмаршал надеялась, что корабль Харрингтон был одним из тех, что только что погибли.

"Адмирал", - сказала она.

“Я вижу, вы решили не сдаваться”, - сказала Харрингтон. “При сложившихся обстоятельствах, я уверена, вы простите меня, если я не подожду полных два часа, прежде чем открыть огонь по вашей обороне”.

“Не похоже, что вы собирались делать это с самого начала”, - ответила Адебайо.

“Нет”, - сказал Харрингтон. “Нет, это не так. Но это скорее проясняет варианты для всех заинтересованных сторон, не так ли? И, по крайней мере, теперь, — ее улыбка была как бритва, — мне не придется сомневаться в себе после того, как я разнесу все ваши крепости к чертям собачьим. Приятного путешествия, генерал-фельдмаршал.”

КЕВ Император,

Большой Флот,

и

КСФСГ Ирвинг Фишер,

орбита планеты Тешендорф,

система Гальтон.

“Мы пойдем с Цусимой", - объявила Хонор флагманским офицерам, глядящим с мрачными лицами с ее главного дисплея связи, и головы кивнули.

Она стояла лицом к дисплею, держа Нимица на руках. Она чувствовала его яростную поддержку, его собственную ярость по отношению к “злодеям” Согласия, вливающуюся в нее, и именно в этот момент она нуждалась в поддержке этого любящего гнева.

Массированная атака Согласия не представляла собой вопиющего нарушения законов войны. Почти, но Адебайо не обещала не открывать огонь, пока она обдумывала требование Хонор о капитуляции. И не то чтобы Хонор не предвидела вероятности того, что она поступит именно так.

Но от этого все равно было не легче.

Большой Флот потерял два супердредноута — КЕВ Бриллиант и КФА Цзиньи Надельманн — и НЛАК КЕВ Дамисус, и более семи тысяч мужчин и женщин погибли вместе со своими кораблями. Это было достаточно плохо, достаточно жестокий удар, но и остальная часть флота не осталась невредимой. Тридцать шесть ЛАКов — и еще триста шестьдесят ее людей — попали под ракеты, предназначенные для крупных кораблей, и еще пять супердредноутов и два ее авианосца получили достаточно повреждений, чтобы она отправила их обратно в гипер. По крайней мере, один из СД(п), вероятно, все еще был боеспособен, но у нее было более чем достаточно сил и без КФГ Протектор Эдвард... и не было намерения подвергать уже поврежденные подразделения такому огню во второй раз.

Андреа Ярувальски и Меган Петерсен провели реорганизацию в связи с гибелью кораблей, и, несмотря на свои потери, Хонор по-прежнему командовала двумястами десятью супердредноутами и семьюдесятью пятью авианосцами. Этого должно быть более чем достаточно, мрачно подумала она.

Она изменила свою оборонительную позицию после волны Хаст. Ее наблюдатели на ЛАКах были усилены и выдвинуты еще дальше. Это создало дополнительную нагрузку на ее авианосцы, усилило работу их групп ЛАКов и уменьшило их резервную численность, но это также дало ее внешней зоне обороны глубину на тридцать световых секунд больше. Она также развернула дополнительные разведывательные платформы, утолщив свою сенсорную оболочку ближнего действия и создав закрытую зону на глубине более четырех световых минут за пределами ЛАКов. И файлы угроз Большого Флота были обновлены данными, которые они получили о возможностях скрытности Хаст. Следующая волна была бы обнаружена гораздо раньше. На самом деле, почти наверняка достаточно рано, чтобы выиграть Хонор четыре минуты, необходимые ей для того, чтобы безопасно перевести даже свои супердредноуты обратно в гипер, если ей понадобится.

Ее новое развертывание было ужасно дорогостоящим с точки зрения разведывательных средств, но ее это устраивало. Цена с точки зрения денег и промышленных ресурсов может быть огромной, но грузовые трюмы снабжения флота были набиты ракетными подвесками, разведывательными дронами и даже целыми дополнительными ЛАКами. Они были посланы, чтобы их использовали, чтобы их израсходовали вместо того, чтобы тратить кровь ее народа, и это было именно то, что она намеревалась сделать.

“Должна ли я назначить Бету первой целью, Ваша Милость?” - спросила Меган Петерсен, и Хонор оскалилась.

“Я думаю, что это было бы весьма уместно, Меган”, - сказала она.

“Развертывание подвесок почти завершено”, - сказала ей Петерсен, и она кивнула, наблюдая за дисплеем, пока некоторые из этих грузовых судов заканчивали развертывание пяти тысяч ракетных подвесок Мк-17. Хонор не собиралась копаться во внутренних магазинах своих мобильных подразделений, пока были доступны снабженцы флота, и она снова одобрительно кивнула, когда грузовые корабли закончили и снова перешли в гипер, пока они не понадобятся ей для развертывания следующей волны атаки.

“Очень хорошо”, - сказала она, поворачиваясь обратно к своему штабу и флаг-офицерам. “Когда будешь готова, Меган”.

* * *

“Они стартовали, гросс-адмирал!” - объявил Обержонуа.

“Я вижу”, - ответил Монтальван и посмотрел вниз на дисплей связи, подключенный к полетной палубе Фрэнсис Крик.

“Я полагаю, мы скоро узнаем, кого они выбрали в качестве своей первой цели”, - почти капризно сказала Каролин Адебайо из кома, и он удивил себя, фыркнув от неподдельного веселья.

* * *

Дальность полета составляла десять световых минут, но многодвигательной ракете Марк-23 было все равно.

Большой Флот развернул две тысячи упакованных ракетных подвесок Марк-17, и когда Меган Петерсен отдала команду, они выпустили 18 000 ракет Марк-23. Большие ракеты разгонялись в течение шести минут с ускорением 451 км/с2, пока не сгорели их первые два комплекта импеллерных узлов, став на 29 230 000 километров ближе, и они продвигались вперед со скоростью 162 387 км/с.

* * *

“Они отключились, сэр”, - доложил Обержонуа. “Расчетное баллистическое время полета семьсот три секунды, основанное на наблюдаемых характеристиках”.

“Держи Щит наготове ”, - сказал Монтальван, и Обержонуа кивнул.

"Щит активирован, сэр."

* * *

Хонор стояла, вглядываясь в экран, все еще держа Нимица, выражение ее лица было почти безмятежным, пока восемнадцать тысяч ракет бесшумно неслись в космосе со скоростью пятьдесят четыре процента от скорости света. Она знала лучше, чем кто-либо другой, на что способен Марк-23. Корабли под ее командованием почти наверняка выпустили их больше, чем корабли любого другого флагманского офицера, и она была слишком хорошо осведомлена о том, что эти тысячи и тысячи лазерных головок сделают со своей целью. Скольким человеческим существам предстояло исчезнуть из жизни, стёртыми с лица земли, как будто их никогда и не было.

И в этот раз это ее не беспокоило.

Нет, призналась она себе, прячась за безмятежностью своих карих глаз, это было неправдой. На этот раз она с нетерпением ждала этого, и она чувствовала, что Нимиц разделяет это безжалостное предвкушение. Но, к ее собственному удивлению, это было не с той ледяной ненавистью, которая наполнила их обоих после Удара Беовульфа. Она ожидала почувствовать ту же унылость. Не с яростью, которая хлынула в нее, как яд, когда она подумала, что Хэмиш и Саманта погибли на борту "Беовульфа Альфы", а Эмили умерла у нее на руках, возможно, но с той же ледяной, ужасной ненавистью. В конце концов, это были люди, которые все это спланировали. Люди, чья внезапная атака на Мантикору уничтожила Гефест и практически уничтожила ее семью на Сфинксе. Если она когда-либо сомневалась в этом, атака Хасты, вооруженной гразером, доказала, что это так. Точно так же, как это доказало, что они также были людьми, которые расчистили путь ФСЛ для Удара Беовульфа ... и установили ядерные бомбы, которые фактически уничтожили орбитальные поселения.

Они были ответственны за все это.

Но то, что она и Нимиц чувствовали в этот момент, не было яростью. Это была даже не ненависть.

Это выходило за рамки обеих этих эмоций.

Она не раз говорила Хэмишу, что при неподходящих обстоятельствах могла бы стать монстром. Теперь она знала, что была права. Но сейчас было время и место для монстров, для женщины, которая могла стоять на этом командном мостике спокойно, почти бесстрастно, в то время как она обрушивала опустошение на своих врагов. Могла бы сделать это с холодным, спокойным, безжалостным рвением, рожденным не личной ненавистью, а осознанием того, что ее враги должны быть уничтожены. Не побеждены. Не завоеваны.

Уничтожены.

"Активация третьей ступени через десять секунд", - произнесла Меган Петерсен.

* * *

Цунами обрушилось на Фрэнсис Крик.

Платформам Марк-23Е Апполо было точно сказано, что искать, и дроны Призрачного Всадника постоянно обновляли их по пути. Они следовали за фалангой ударных ракет и платформ проникновения, их ИИ были сплетены в тесно скоординированную, но рассредоточенную сеть управления огнем, перешептывающуюся между собой, пока они уточняли данные ... и свои профили атаки.

Теперь восемнадцать тысяч ракет устремились к единственной орбитальной крепости. Три тысячи из них были платформами РЭБ. Две тысячи были Марк-23Е. Но остальные тринадцать тысяч были воплощением разрушения с лазерным наконечником.

И все же Флот Гальтона не был Флотом Солнечной Лиги. Он с самого начала знал, что будет делать Марк-23, и соответствующим образом разработал свою защиту.

Исторически сложилось так, что противоракеты проектировались так, чтобы быть дешевыми. Предназначены для работы под жестким контролем с борта судна и должны быть достаточно маленькими, чтобы их можно было перевозить в большом количестве. Корабельным конструкторам и тактикам всегда приходилось балансировать между большими размерами и стоимостью индивидуально более мощных ракет и необходимостью обеспечить столько оборонительных ракет, сколько мог нести корабль.

Но Согласие признало, что оно должно изменить этот традиционный баланс, если оно когда-либо столкнется с такого рода ракетными штормами, которые может породить Большой Альянс. И поэтому они взяли еще кое-что у своих врагов и разработали "Лорику", противоракету, слишком большую, чтобы ее можно было носить в корабельных магазинах. Вместо этого конструкторы засунули ее в ракетные отсеки, а затем соединили с системой, которую они назвали Щит.

Щит во многих отношениях был заимствован из оригинальной концепции Мориарти Шеннон Форейкер. Платформы Щита были намного более мощными, чем у оригинального Мориарти, хотя они по-прежнему уступали нынешней системе Майкрофт Большого Альянса. С другой стороны, Майкрофт был разработан для координации огня широко рассредоточенных ракетных установок системной обороны, вооруженных корабельными убийцами. Щит был разработан для координации огня плотно сгруппированных подвесок, вооруженных многодвигательными противоракетами.

Первая волна Лорик стартовала с невероятной дальности в 35 000 000 километров, всего через секунду после того, как отделилась последняя ступень Марк-23. Это в десять раз превышало лучшую дальность стрельбы противоракет Большого Альянса, и глаза Хонор сузились, когда пять тысяч из них устремились навстречу ее собственному огню.

Даже со Щитом система управления оборонительным огнем Согласия не смогла в полной мере воспользоваться огромным радиусом действия Лорики. Его тактические офицеры просто не могли контролировать и обновлять своих птичек так, как Марк-23Е контролировал и обновлял свои ударные ракеты, потому что Согласие так и не смогло встроить сверхсветовую связь во что-то такого размера. Но в знак признания этого они оснастили Лорику гораздо более мощным ИИ и набором датчиков, чем любая "традиционная" противоракета.

У Большого Флота было время приказать Маркам-23Е развернуть половину своих Зубов Дракона и зажечь четверть своих Зуделок, прежде чем Лорики доберутся до них, и, несмотря на их улучшенные ИИ, точность Лорик резко упала перед лицом такого рода контрмер. Но даже под ударами средств проникновения союзников некоторые из них прорвались, и они стерли почти тысячу Марк-23 с лица вселенной.

Хуже того, при такой дальности полета и ускорении Лорики у Гальтона было время для двух дополнительных запусков, прежде чем Марк-23 достигли дальности атаки, и каждая из них уничтожала больше платформ проникновения, заставляя тактических офицеров Большого Флота и птичек Аполлона сжигать больше Зубов Дракона и Зуделок просто чтобы помешать Лорикам.

Что означало, что они были недоступны, когда атакующие птички достигли стандартного периметра противоракетной обороны и прорвались сквозь него к ожидающим лазерным кластерам.

К тому же Согласие извлекло уроки из примера Большого Альянса. Замочная Скважина Королевского флота Мантикоры возникла как развертываемая платформа точечной обороны, которая могла выдвигаться за пределы бортов корабля и вести концентрированный огонь из нескольких тяжелых лазерных кластеров для перехвата приближающихся ракет. В ходе разработки эта оригинальная, чисто оборонительная концепция превратилась в нынешнюю Замочную Скважину-2 Марк-20 с его сверхсветовыми каналами управления огнем.

Гальтон взял первоначальную концепцию и продвинулся еще дальше и жестче. Они назвали его Тестудо, и на каждом Тестудо было установлено больше лазерных кластеров, чем на всем борте супердредноута ФСЛ класса Ученый. Фрэнсис Крик разместила двенадцать из них за своими боковыми стенами, при поддержке сотен обычных противоракет внутреннего и космического базирования.

Восемьдесят семь из восемнадцати тысяч ракет Большого Флота прошли сквозь тщательно продуманную защиту Фрэнсис Крик.

Восемьдесят семь Марк-23 нельзя было воспринимать легкомысленно, и даже гигантский корпус Крик дрожал, когда рентгеновские лазеры пробивали его боковины и проникали глубоко в корпус. Мужчины и женщины погибли, оружие и защитные системы были превращены в руины, а утечка атмосферы окружила форт ореолом, но он все еще был цел, и его эмиссионная сигнатура все еще ярко горела на главном экране Императора.

* * *

На флагманском мостике воцарилась тишина, когда обновились оценки ущерба, и Хонор ощутила шок своего персонала. Это не было даже отдаленно похоже на панику, но это была некоторая форма смятения. Залп такого размера выпотрошил бы любой соларианский военный корабль или крепость, когда-либо построенные, и никто никогда раньше не видел противоракетной обороны такого рода.

“Что ж, это было определенно... поучительно”, - сказала она через мгновение, когда дисплей закончил обновление и показал наилучшую оценку БИЦ ущерба их цели.

Один или два из ее офицеров уставились на нее, и она сухо усмехнулась.

“Мы всегда знали, что Солли могли бы создать средства обороны, способные противостоять — или, по крайней мере, уменьшить — наши ракетные удары, если бы они только вовремя поняли, что им это необходимо”, - отметила она. “И эта их многодвигательная противоракета выглядит как более совершенная версия той, над которой адмирал Форейкер и адмирал Хемпхилл работают в Болтхоле. Однако противоракетные подвески были неожиданным штрихом.” Она поджала губы. “Вероятно, нам самим следовало бы подумать о чем-то подобном, но у нас было такое преимущество в весе атакующего броска, что мы сосредоточились на уничтожении платформ, а не ракет”. Она пожала плечами. “Если вы убьете носитель подвесок, вы убьете его подвески - все его подвески — прямо вместе с ним. И, честно говоря, это, вероятно, все еще самый эффективный способ справиться с ними. Но эти люди не могут сравниться с Аполлоном или Марком-23 в дальности полета, поэтому вместо этого им пришлось сосредоточиться на борьбе с ракетами".

"Я полагаю, это так, Ваша Милость," - через мгновение сказала Ярувальски.

“О, поверьте мне, это то, к чему уже некоторое время приглядывается Болтхолл”, - ответила Хонор. “Адмирал Форейкер и адмирал Хемпхилл заняты разработкой совершенно новой доктрины ЛАК с использованием беспилотных, расходуемых платформ. Я понимаю, что то, что они рассматривают, - это, по сути, созвездие беспилотных, урезанных Страйков и Феррет, каждый из которых управляется одним командным центром через сверхсветовые каналы связи. Без экипажей на борту они могли бы разгоняться намного быстрее, что должно было бы сделать их намного лучше при проникновении в чью-либо оборону, и идея состоит в том, чтобы подтолкнуть их ближе к врагу, использовать их для нанесения массированных ударов по вражеским формированиям, никогда не подвергая наш персонал оборонительному огню. Я уверена, что "Демонический дуэт" также ищет способы объединить их с многодвигательными противоракетами, которые у них есть на чертежной доске, чтобы еще больше расширить нашу зону противоракетной обороны. Но я должна признать, что не ожидала, что Согласие может так... комплексно отреагировать на этот недостаток в дальности действия ”.

“И я не ожидала”, - сказала Мишель Хенке со своей флагманской палубы на борту Бдительного. “И, только между нами, я нахожу, что я очень рада, что Солли не сделали того же самого!”

“Если бы их довоенные плановики потрудились прислушаться к оперативному анализу таких людей, как капитан аль-Фанудахи, они бы это сделали, Мика”, - сказала Хонор. “В этом случае люди в этой звездной системе, возможно, получили бы то, что хотели с самого начала. Но они не смогли, не так ли?” Она улыбнулась, показав зубы. “И на самом деле не имеет значения, насколько хороша их защита. Не в конечном счете. Мы прорвали оборону Беты с помощью почти девяноста птичек, когда не знали, что они нас ждут, и мы сделали это с двумя тысячами подвесок Марк-17. На борту наших ракетоносителей их пятьсот тысяч, а у них меньше сорока фортов, большинство из которых намного меньше Беты.”

Ее глаза были холодными, жесткими, и Нимиц обнажил свои клыки, лежа на ее руках.

“Теперь мы знаем об их улучшенных Хастах. Они не проведут еще одну подобную атаку через нашу оборону. И теперь мы также увидели, на что способна их противоракетная оборона. Итак, что мы собираемся сделать, так это не торопиться и проанализировать то, что они нам только что показали. Мы собираемся учесть это в наших планах ведения огня и в наших планах проникновения. Затем мы собираемся сделать Бета-версию еще одного залпа и посмотреть, скольких наших птичек они остановят на этот раз. А затем мы потратим время на тщательный и всесторонний анализ этой атаки, прежде чем начнем следующую”.

Она посмотрела на свой штаб и флаг-офицеров на мониторе с улыбкой, подобной жидкому гелию.

“Я готова поспорить, что у нас закончатся цели раньше, чем закончатся ракеты”, - сказала она им.

КСФСГ Ирвинг Фишер,

и

КСФСГ Фрэнсис Крик,

орбита планеты Чермак,

система Гальтон.

Гросс-адмирал Густав Монтальван проверил показания своего скафандра. Он увидел, что есть еще четыре часа воздуха. Это было хорошо.

Он затянул ремни, удерживающие его в командирском кресле. Гравитационные платы флагманской палубы вышли из строя — когда? Двенадцать часов назад? Раньше? Было трудно вспомнить. Однако он знал, когда они потеряли давление, и посмотрел на уродливую дыру в кормовой переборке. Это не было прямым попаданием. Если бы это было так, он был бы уже мертв. Но вторичный взрыв, разнесший в клочья переборку, был достаточно сильным. Он убил Томаша Обержонуа и ранил Мари-Франсуазу Монедеро. По крайней мере, начштаба была жива… пока. Казалось маловероятным, что кто-либо на борту Ирвинга Фишера проживет достаточно долго.

Фрегаттенкапитан Кестнер возглавил тактический отдел, и офицер связи проделал чертовски хорошую работу. Однако ему больше особо нечего было делать, и Монтальван посмотрел на уцелевшие дисплеи.

"Это была не та битва, которую обычно вела Хонор Александер-Харрингтон", - подумал он. Он всегда считал ее своим наиболее вероятным противником, если этот день когда-нибудь наступит, и потратил годы, анализируя ее тактику и стратегию. Особенно после того, как он обнаружил, что геном Харрингтон был одной из “потерянных” Альфа-линий Согласия. Какая горькая ирония, подумал он, и сразу проиграл в голове идею рассказать ей, откуда она на самом деле родом, чтобы увидеть, как она отреагирует на это. Но он не мог, потому что этой информации не было ни в одной базе данных в Гальтоне.

И все же одна вещь, которую он усвоил, изучая ее, заключалась в ее ненависти к жестоким сражениям. К битвам на истощение. Она верила в маневр и мобильность. Конечно, ее тактика всегда была направлена на то, чтобы свести к минимуму потери ее собственного народа, но раз за разом она демонстрировала такую же решимость свести к минимуму потери даже своих противников, если только могла. Были времена, когда она не могла, как, например, ее отчаянная защита Грейсона — на самом деле, обе ее защиты Грейсона. Или как то, что случилось со Вторым флотом Филареты на Мантикоре… Хотя, похоже, в этом случае Согласие вынудило ее действовать.

На этот раз она вообще не маневрировала.

Она просто сидела там, за пределами гиперлимита, как некое безжалостное, неприкосновенное и недосягаемое божество, отбивая волну за волной ракетных подвесок, час за часом. Черт возьми, день за днем! Она пришла, чтобы сжечь Гальтон дотла, и это было именно то, что она собиралась сделать.

Монтальван знал это. Он знал это еще до того, как прозвучал первый выстрел, но он сделал все, что мог. В процессе он израсходовал все свои Хасты. Он снова попытался незаметно вывести их в зону досягаемости, но ее сенсоры были слишком хороши, а противоракетная оборона слишком глубока. Ее флот засекал каждую волну слишком рано, слишком далеко, и сводил ее к нулю еще до того, как жалкая горстка выживших приближалась к ее звездолетам. И тогда он собрал все оставшиеся Хасты в один мощный залп и послал свой наилучший залп из шестидесяти тысяч прямо к ней.

Только для того, чтобы ее сенсорная сеть вовремя предупредила ее, чтобы она увела каждый звездолет в гипер до того, как они доберутся до нее. Она была вынуждена оставить позади свои ЛАКи, но ЛАКи и в лучшие времена были дьявольски трудными мишенями для ракет, а отсутствие у гразерных ракет нескольких лазерных стержней только усугубляло ситуацию. Он

уничтожил еще семьдесят или восемьдесят проворных маленьких кораблей, и, судя по послужному списку Харрингтон, он подозревал, что ей будет больно с этим жить, но это был чертовски плохой результат для расходования такого количества огневой мощи.

И как только он израсходовал их, она вернулась в нормальное пространство и возобновила свои методичные удары.

По крайней мере, она тщательно ограничила свой огонь крепостями. Если уж на то пошло, она не старалась изо всех сил уничтожить свои цели. Большинство фортов Монтальвана были разрушены за последние семьдесят два часа, но как только ее разведывательные платформы сообщили ей, что одна из них замолчала, она перенесла огонь на другие цели. Он задавался вопросом, было ли это потому, что даже сейчас, в каком-то уголке своей души, она все еще пыталась уменьшить число погибших, как делала всегда, или это был просто вопрос экономии боеприпасов. В конце концов, она использовала буквально миллионы многодвигательных ракет. С другой стороны, было ясно, что она привезла с собой их даже больше, чем Монтальван предполагал.

Ирвинг Фишер был одной из мишеней, по которым она больше не стреляла, и неудивительно. Для ее разработчиков было невероятным уже то, что Фишер просто не разломился. Некогда гордая крепость превратилась в искореженную груду обломков. У нее все еще было несколько дюжин кластеров точечной обороны, но, кроме восьми пусковых установок для ракет и в общей сложности двух установок для гразеров, ее наступательная огневая мощь отсутствовала, и по меньшей мере шестьдесят процентов ее личного состава стали жертвами.

Чжоу Цзяньжэнь, в отличие от флагманской крепости Монтальвана, развалился, но Фрэнсис Крик - нет. Командная база Адебайо была повреждена еще более жестоко, чем Фишер, но она все еще была там. И, что невероятно, и он, и Адебайо были все еще живы!

В данный момент. Конечно, это...

"Гросс-адмирал?"

Монтальван встряхнулся, осознав, что он задумался. Снова.

"Да, Абрахам?"

"Гросс-адмирал, Харрингтон вызывает генерал-фельдмаршала Адебайо."

“Правда?” Монтальван улыбнулся сквозь визор. “Ты думаешь, она хочет сдаться?”

Фрегаттенкапитан Кестнер мгновение таращился на него, а затем — к его собственному очевидному удивлению — фрегаттенкапитан действительно усмехнулся.

“Боюсь, что нет, сэр.”

“Ну, я полагаю, трудно винить ее в данных обстоятельствах”. Монтальван выдохнул и встряхнулся. “У нас все еще есть связь ближнего радиуса действия с Крик?”

"Да, сэр. Правда только на аварийных частотах."

Монтальван поморщился. Безжалостный огонь Харрингтон уничтожил все коммуникационные системы Крик вместе со всеми орудийными установками крепости.

“Очень хорошо”, - сказал он. “Посмотрим, сможете ли вы связать меня с генерал-фельдмаршалом”.

"Да, сэр."

Это заняло добрых пять минут, но затем он услышал голос Адебайо по кому своего скафандра.

"Да, Гюнтер?"

"Харрингтон хотела бы поговорить с вами," - сказал он.

"Вы можете перенаправить вызов ко мне?"

"Думаю, да. Дайте мне минуту."

Он посмотрел на Кестнера.

“Не могли бы вы соединить Харрингтон с моим...” Он сделал паузу, рассматривая малиновые индикаторы неисправности, которые украшали его командный пункт. “С моим дисплеем номер два? Я думаю, что он все еще работает.”

"Секунду, гросс-адмирал."

На самом деле прошло несколько минут, прежде чем выбранный им дисплей снова ожил. Что, по его мнению, было довольно красноречивым свидетельством ущерба, нанесенного Ирвингу Фишеру. Прошло еще несколько секунд, и затем на дисплее появилась Хонор Александер-Харрингтон.

Очевидно, она нашла время вздремнуть, подумал он, чувствуя тупой укол негодования. Она выглядела свежей, хорошо отдохнувшей, и просторная, ухоженная флагманская палуба, видневшаяся позади нее, была далека от разрушенных, безвоздушных руин его собственной.

"Адмирал Харрингтон," - сказал он. "Я гросс-адмирал Монтальван."

"Гросс-адмирал." Она кивнула ему. "Теперь вы командуете?"

“Нет”, - ответил он. “К сожалению, связь генерал-фельдмаршала Адебайо была... нарушена. Я могу соединить вас с ней, но, боюсь, сигнал будет только звуковым.”

"Будьте любезны."

“Это может занять некоторое время”, - сказал Монтальван и кивнул Кестнеру.

Прошла секунда-другая, и затем...

“Это Адебайо”, - произнесла генерал-фельдмаршал.

“Три дня назад я дала вам возможность сдать свои позиции в целости и сохранности”, - холодно сказала Харрингтон. “Вашим ответом было открыть огонь. Согласно моим разведывательным платформам, у вас больше нет неповрежденных позиций. Я могу завершить разрушение каждой из ваших крепостей, но, по моему мнению, уже погибло достаточно людей. Вот почему я даю вам последнюю возможность сдаться. Если вы отвергнете это предложение, оно больше не повторится, и я уничтожу все военные объекты в звездной системе, не позволяя никому из

вашего персонала сдаться. Выбор за вами, генерал-фельдмаршал. Я бы посоветовала вам сделать мудрый выбор.”

Монтальван пристально смотрел на дисплей, отсчитывая секунды. И потом, наконец, Адебайо вздохнула.

“Очень хорошо, адмирал Харрингтон”, - тяжело произнесла она. “Я готова сдаться со своей уцелевшей командой”.

“Надеюсь, вы понимаете, что я не намерена рисковать жизнями своих собственных людей”, - сказала Харрингтон. “Я требую, чтобы вы эвакуировали экипажи ваших уцелевших второстепенных крепостей и любых уцелевших звездолетов и ЛАКов и уничтожили их. Я также требую, чтобы две ваши уцелевшие командные крепости были сданы в целости и сохранности вместе с их базами данных. И я официально сообщаю вам, что мои морские пехотинцы немедленно ответят смертоносной силой на любое сопротивление, когда они поднимутся на борт ваших крепостей. Боюсь, то же самое относится и к любому сопротивлению, с которым они столкнутся, когда мы займем ваши орбитальные поселения и промышленные платформы. Вы понимаете сказанное мной?”

“Я полагаю, вы говорите для протокола”, - ответила Адебайо. В ее голосе звучала горечь, за что Монтальван не мог ее винить. “И, также говоря для протокола, да. Я поняла, что вы сказали. Гросс-адмирал Монтальван?”

"Да, генерал-фельдмаршал?"

“Будьте так любезны передать условия адмирала Харрингтон и... предупреждение всему нашему оставшемуся персоналу, а также поселениям и промышленным платформам”.

"Так точно, генерал-фельдмаршал."

“В таком случае, мои силы войдут в систему, как только ваши вспомогательные крепости и оставшиеся военные корабли будут уничтожены”, - сказала Харрингтон.

КСФСГ Фрэнсис Крик,

орбита Тешендорфа,

система Гальтон.

Каролин Адебайо смотрела на дисплей, и ее взгляд был мрачным.

Службе контроля повреждений удалось восстановить единственную связь с сенсорными платформами. Это заняло почти шесть часов, но времени было предостаточно. Потребовалось время, чтобы эвакуировать очень много персонала из искореженных обломков ее горстки уцелевших второстепенных крепостей. Из супердредноутов и ЛАКов, которые Харрингтон просто проигнорировала, безжалостно колотя по стационарной обороне.

Но в конце концов это было сделано, и форты, звездолеты и ЛАКи были взорваны, именно так, как требовала Харрингтон. И теперь ее флот приближался на мониторе Адебайо, неуклонно снижая скорость, готовясь завладеть своим призом.

"Даже сейчас ее профессионализм очевиден", - подумала Адебайо. Каждая оружейная платформа, каждая развернутая ракетная подвеска были уничтожены еще до того, как она

пересекла гиперграницу, но она не собиралась рисковать. Ее звездолеты были покрыты роем из более чем тысячи ЛАКов и окружены плотной оболочкой разведывательных дронов и внутренней оболочкой оборонительных платформ РЭБ. Адебайо никогда не сомневалась, что каждая пусковая установка противоракет и каждый кластер точечной обороны также укомплектованы и готовы.

Было бы неплохо, если бы она была некомпетентна, размышляла генерал-фельдмаршал. Но если бы это было так, ее бы здесь вообще не было, не так ли?

А иногда и вовсе неважно, насколько ты компетентен.

Она потянулась к цифровой клавиатуре на подлокотнике своего командирского кресла, и строчка из древнего романа, написанного До Расселения, промелькнула у нее в голове, когда она вводила длинный, сложный командный код.

“Из сердца ада я вонзаю в тебя нож”, - пробормотала она. ”Ради ненависти я плюю в тебя своим последним вздохом."

Она нажала клавишу подтверждения.

КЕВ Император,

Большой Флот,

система Гальтон.

Хонор Александер-Харрингтон сидела в своем командирском кресле с Нимицем на коленях, наблюдая на мониторе, как Большой Флот неуклонно снижал скорость относительно основного состояния системы. Она не собиралась позволять своему основному корпусу приближаться к обитаемой планете ближе, чем на одну световую минуту, пока ее морские пехотинцы не закрепят все платформы на орбите вокруг нее, но увеличение дисплея позволило увидеть планету и ее инфраструктуру на расстоянии вытянутой руки. Они сияли перед ней в отраженном солнечном свете, великолепная изумрудно-сапфировая жемчужина планеты, увенчанная орбитальной диадемой из бриллиантов, и она попыталась разобраться в своих собственных чувствах.

Столь многие заплатили так много, чтобы достичь этого момента, и эти поселения, эта планета... они должны выглядеть как-то по-другому. Должен быть какой-то внешний признак фанатизма и злонамеренности, испорченности, которые привели ее сюда, забрызгали галактику таким количеством смертей, таким количеством разрушений и крови.

Конечно, его не было, и она знала, что было бы глупо ожидать его. И все же, каким-то образом, она этого ожидала.

Триумф переполнял ее, но ликования не было. Не после чего-то подобного. Завершение, да. И мрачное, непреклонное удовлетворение. Но она видела так много крови — пролила так много крови. Она вспомнила разговор в башне короля Майкла. Вспомнила, как говорила Елизавета Винтон, что она устала. Что ж, теперь она устала еще больше, и больше всего на свете она чувствовала отчаянное желание вернуться домой. Чувствовать, как руки Хэмиша обнимают ее, а ее собственные - Рауля, Кэтрин и Эндрю. Окутать себя их любовью и своей любовью к ним.

Чтобы наконец покончить с убийствами.

Ее пальцы двигались медленно, ритмично, лаская уши Нимица и пробуя на вкус его любовь и сопереживание. И все же в его мыслесвете было нечто большее. Он понимал, что чувствовала Хонор, с ясностью и точностью, которые мог себе представить только эмпат, но он не был ею, и его удовлетворение было яростным и ликующим. Те, кто причинил боль и убил существ, которых он любил, как людей, так и древесных котов, наконец-то заплатили, и этого было для него достаточно.

Губы Хонор дрогнули, когда она ощутила вкус этого удовлетворения. Древесные коты были такими прямодушными, подумала она, а Нимиц даже больше, чем остальные. Иногда она задавалась вопросом, было ли это частью того, что свело их вместе. Или, возможно, он стал еще более “прямым” из-за их связи? Это изменило их обоих во многих отношениях, так что…

Дисплей внезапно вспыхнул, когда две оставшиеся командные крепости исчезли в ослепительном блеске ядерных взрывов.

Хонор резко выпрямилась в кресле, ее глаза расширились.

”Запуск ракеты!" - рявкнула Меган Петерсен.

* * *

Это было правдой, что ни в одном из орбитальных поселений системы Гальтон не было установлено оружия или средств защиты, которыми располагали ее крепости. Помимо обычных навигационных систем, они не устанавливали никаких сенсорных матриц. Не было даже точечной защиты. Разведывательные дроны Большого Флота совершенно ясно это разглядели.

Но чего эти беспилотники не смогли увидеть, так это полностью инертные подвески, замаскированных под стандартные грузовые контейнеры, разбросанные и спрятанные среди тысяч других грузовых контейнеров на складских площадках этих поселения. Или другие подвески, плавающие столь же инертно в очередях компонентов на верфях системы. Спрятанные среди резервуаров орбитальных газовых ферм.

Подвески, которые развернулись, когда Фрэнсис Крик и Ирвинг Фишер испарились и выпустили последние одиннадцать тысяч ракет Каролин Адебайо по большому Флоту.

* * *

В этом не было никакого ухищрения.

Не было никакой необходимости в ухищрении. Дальность полета сократилась едва до двадцати миллионов километров, а у модернизированных Катафрактов дальность действия составляла более девятнадцати миллионов.

Даже при баллистической фазе в 1 630 000 километров общее время полета составляло всего сто пятьдесят секунд. Ударные ракеты устремились к своим целям без всякого предупреждения, и никто на борту ни одного из этих кораблей не предполагал, что они могут появиться.

Но это был Большой Флот.

Команда Хонор отреагировала почти мгновенно. Две с половиной минуты - это не так уж много времени по стандартам большинства людей. По стандартам Большого Флота, это было слишком

много.

Действительно, это было почти достаточно долго.

Почти.

Запустились противоракеты, ЛАКи развернулись, выпустив свои собственные противоракеты, пустив в ход гразеры и лазеры. Лорелеи развернулись полностью, и кластеры точечной защиты переместились по осям угрозы. Пространство горело от умирающих ракет, когда облако разрушения устремилось к своей цели, и даже застигнутый врасплох Большой Флот уничтожил девяносто один процент поступающего огня за пределами своего периметра.

Но девять процентов от одиннадцати тысяч были почти тысячью ракет.

Они не были вооружены гразерными головками. Гальтон исчерпал произведенные гразерные головки, вооружив Хасты-3 и Катафракты в более крупных, более вместительных ракетных подвесках, которые Адебайо была вынуждена уничтожить до того, как Хонор пересекла гиперлимит. Это были “всего лишь” лазерные головки, и они пронеслись сквозь решетку противоракет и лазеров точечной обороны со скоростью 173 000 км/с.

На такой скорости, с оружием такой мощности, все было кончено в мгновение ока тысячи термоядерных очей, и одиннадцать супердредноутов, четыре Носителя ЛАК и семь линейных крейсеров Большого Флота исчезли, уничтоженные сразу или разорванные на разлагающиеся обломки, так же быстро.

КЕВ Император вздрогнул, когда полдюжины рентгеновских лазеров пробили его собственную боковую стенку. Массивная броня разлетелась вдребезги, и завыли сигналы тревоги, когда кластеры точечной обороны, противоракетные установки и гразеры были разорваны на части. Но она была спроектирована и построена так, чтобы выдерживать именно такие повреждения, и ей повезло больше, чем ее погибшим сестрам. Она пережила холокост, раненая, но невредимая, и глаза Хонор Александер-Харрингтон горели огнем гораздо более холодным, чем тот, который только что уничтожил ее команду.

Обратные векторы на главном дисплее точно показывали, откуда прилетели эти ракеты, а внезапная, жестокая атака после капитуляции системы перечеркнула все ограничения Эриданского Эдикта и законов войны. Эти орбитальные поселения, эти промышленные платформы и верфи только что стали законными целями, и они лежали беспомощные и беззащитные перед мстительным мечом Большого Альянса.

Она ощутила на себе вихрь ярости персонала флагманского мостика. Пылающий гнев, который требовал возмездия для людей, которые только что убили еще столько тысяч их друзей. Тот же самый вихрь закручивался в спираль убийственной ярости в ее собственном сердце и душе, и все, что требовалось правосудию, - это один-единственный приказ от нее. Всего два слова. Это было все, в чем нуждался ее народ, слова, которых заслуживали ее мертвые.

"Открыть огонь." Это было все, что она должна была сказать…

Но не сказала.

Она не могла. Она жаждала произнести эти слова, так же, как мужчинам и женщинам вокруг нее нужно было их услышать. Чтобы отомстить за всех своих погибших, не только здесь, но и в Мантикоре, и Беовульфе, и всех других звездных системах, где мантикорцы, хевениты, грейсонцы и андерманцы погибли из-за фанатичных амбиций Согласия.

Но они не были Согласием.

Это ее остановило. Обещание, данное ею своему штабу в самом начале. Ее непреклонный отказ стать Согласием, тем самым, что она ненавидела всеми фибрами своего существа.

И, что еще более важно, ее отказ позволить своим людям стать такими. Позволить им отравить себя местью, даже если они могли бы правдиво утверждать, что это тоже было справедливо. Потому что наступило время, когда правосудие стало слишком ужасной ценой для людей, которые его совершили.

Если «правосудие» могло превратить их в людей, которыми они не собирались быть.

Она стояла на летной палубе Императора, слушая фоновый шум отчетов о повреждениях, отчаянных поисково-спасательных работах, ярости, контролируемой только профессионализмом, и эти два слова ощущались у нее в горле как невысказанные осколки кости.

“Общая трансляция, Она”, - сказала она вместо этого.

Наступила секунда молчания. Затем лейтенант-коммандер Она Эрикес прочистила горло.

"Общая трансляция, так точно, Ваша Милость." Она набрала команду. "Микрофон включён, Ваша Милость."

Хонор повернулась к камере и расправила плечи, ее лицо было будто высечено из камня, а глаза мрачны.

“Я адмирал Хонор Александер-Харрингтон, - сказала она категорично, - и я обращаюсь непосредственно к каждому мужчине и женщине в этой звездной системе. Вы представляете Мезанское Согласие, и ваше Согласие несет ответственность за миллионы и миллионы смертей. Несмотря на это, флот под моим командованием принял все меры предосторожности, чтобы избежать гибели гражданского населения здесь, в вашей звездной системе. И наградой за это стало то, что губернатор вашей системы сдалась только для того, чтобы начать последнюю атаку, в результате которой только что погибли еще тысячи моих сослуживцев — моих мужчин и женщин. Эта атака была предпринята с использованием ракет, скрытых в ваших орбитальных поселениях, на ваших верфях. Оно было начато в нарушение законов войны и Эриданского Эдикта. И это означает, что губернатор вашей системы лишила вас защиты в соответствии с этими законами и этим указом. У меня есть полное законное право уничтожить каждую платформу, с которой по моей команде была запущена хоть одна ракета, и это означает, что каждый человек, слушающий мой голос, законно приговорен к смерти в тот момент, когда я решу ее применить”.

Она сделала паузу, чтобы дать всем обдумать это. Всем этим ушам, слышащим ее голос, чтобы они ощутили его железную искренность. Всем этим глазам, видящим ее лицо, чтобы они распознали ледяное выражение ее лица.

“Не дайте мне повода — и оправдания — привести в исполнение этот приговор”, - сказала она им тогда очень мягким голосом. “Мои морские пехотинцы будут подниматься на каждую платформу по очереди. Пока они будут это делать, мой легкий штурмовой корабль выдвинется на позицию, чтобы открыть по вам огонь. И если по одному из моих кораблей будет произведен хоть один выстрел, если хоть один из моих морских пехотинцев будет убит или ранен на борту одного из ваших поселений или промышленных платформ, я прикажу им уничтожить поселение, из которого был произведен этот выстрел. Это единственное предупреждение,

которое я сделаю. Ради вас самих и ради ваших детей я советую вам прислушаться к этому”.

Она смотрела в камеру два медленных вдоха. Затем…

"Харрингтон. Конец связи," - сказала она.

http://tl.rulate.ru/book/64230/1709810